ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.13
УДК 339.5
JEL F13, F02, F01, F51

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Новая торговая политика США: последствия для постсоветских государств[1]

Борис А. ХЕЙФЕЦ[1)] ✉ iD, **Вероника Ю. ЧЕРНОВА**[2)] ✉ iD
[1, 2)] *Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация*

Для цитирования: Хейфец, Б. А., Чернова, В. Ю. (2026). Новая торговая политика США: последствия для постсоветских государств. *AlterEconomics, 23*(1), 234–250.
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.13

Аннотация. Статья посвящена исследованию воздействия протекционистской политики США на мировую экономику на примере экономик постсоветских стран. «Трампономика 2.0» представляет собой совокупность экономических мер администрации Дональда Трампа и характеризуется жёстким протекционизмом, односторонним пересмотром торговых соглашений во внешней политике, а также налоговыми стимулами и дерегулированием во внутренней политике. Методология исследования включает в себя анализ теоретических подходов, сравнительный и статистический анализ данных, что позволило всесторонне изучить специфику влияния американского протекционизма на экономики стран постсоветского пространства. Этот ракурс ранее был недостаточно изучен, хотя страны СНГ уязвимы к внешнеторговым шокам. В исследовании показано, что в краткосрочной перспективе прямое влияние новых торговых барьеров США на экономики стран СНГ ограничено из-за небольших объёмов их прямой торговли с США, однако нельзя исключать воздействие косвенных эффектов: глобальная тарифная война приводит к замедлению мирового роста и снижению спроса на сырьё, что бьёт по экспортно-сырьевым экономикам региона. Тарифная политика Дональда Трампа стала глобальным шоком, ломающим сложившуюся архитектуру мировой торговли. В среднесрочной перспективе сохранение курса «Трампономики 2.0» чревато фрагментацией мировой торговли, формированием конкурирующих экономических блоков. В статье впервые показано влияние тарифной политики США на экономику стран СНГ. Авторы приходят к выводу, что рост неопределённости в мировой политике и экономике требует от стран постсоветского пространства выработки адаптационных стратегий к меняющимся глобальным условиям. Можно ожидать усиления дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве, а также ослабления на нем позиций России и ухудшения условий работы для российского бизнеса.

Ключевые слова: «Трампономика 2.0», протекционизм, тарифная политика, санкции, страны СНГ, «Большая Центральная Азия», постсоветское пространство, торговые войны, геоэкономическая фрагментация

[1] © Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

New US Trade Policy: Implications for Post-Soviet States

Boris A. KHEYFETS[1)] ✉, **Veronika Yu. CHERNOVA**[2)] ✉
[1, 2)] *Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

For citation: Kheyfets, B. A., & Chernova, V. Yu. (2026). New US Trade Policy: Implications for Post-Soviet States. *AlterEconomics, 23*(1), 234–250. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.13

Abstract. The article examines the impact of US protectionist policies on the global economy, using the economies of post-Soviet countries as an example. "Trumponomics 2.0" is a set of economic measures adopted by the Trump administration and characterized by strict protectionism, unilateral revisions of trade agreements in foreign policy, and tax incentives and deregulation in domestic policy. The study uses theoretical analysis alongside comparative and statistical methods to assess how US protectionism affects the economies of post-Soviet states — an area that has received limited scholarly attention despite the vulnerability of CIS countries to external trade shocks. The findings show that the direct short-term impact of new US trade barriers on CIS economies is limited because their trade volumes with the United States remain relatively small. However, indirect effects are significant. Escalating global tariff conflicts have slowed global economic growth and reduced demand for raw materials, negatively affecting commodity-exporting economies in the region. Trump's tariff policy has generated a global shock, disrupting the established architecture of international trade. In the medium term, continued implementation of "Trumponomics 2.0" could accelerate the fragmentation of global trade and the emergence of competing economic blocs. The study concludes that rising geopolitical and economic uncertainty requires post-Soviet countries to develop adaptive strategies to changing global conditions. The policy may also intensify disintegration processes in the post-Soviet space, weaken Russia's regional influence, and worsen the operating environment for Russian businesses.

Keywords: Trumponomics 2.0, protectionism, tariff policy, sanctions, CIS countries, Greater Central Asia, post-Soviet space, trade wars, geoeconomic fragmentation

1. Введение

Экономика США и ее политический курс оказывают прямое влияние на состояние мировой экономики, поэтому возвращение Д. Трампа в Белый дом и реализация им политики «America First» вызвали повышенное внимание во всем мире. «Трампономика 2.0» стала одним из ключевых факторов глобального риска в 2025 г.[1] Следуя предвыборному обещанию сделать Америку снова великой и вернуть производственные мощности ушедших ранее компаний вновь на территорию США, Д. Трамп фактически начал торговую войну против почти всех стран мира, включая традиционных экономических союзников, обвинив их в паразитировании на американской экономике (Зарезнов, 2025).

Президент США и его экономические советники, открыто проводя политику протекционизма, декларируют, что вводимые ими высокие пошлины сократят поток американского импорта и увеличат экспорт, переформатируют глобальные цепочки поставок в пользу внутреннего рынка США, привлекут иностранные производства на территорию США, что укрепит производственный сектор и повысит благосостояние страны, одновременно наполняя государственную казну.

Основным оружием в достижении национального суверенитета и возврата экономической мощи администрацией Д. Трампа выбрана тарифная политика, основные принципы которой сводятся к переформатированию баланса мировой торговли в интересах США, получению экономических выгод через заключение

[1] Eurasia Group's Top Risks 2025. [Электронный ресурс]. https://www.eurasiagroup.net/issues/top-risks-2025 (дата обращения: 18.09.2025).

долгосрочных сделок с каждой отдельной страной с использованием «кнута и пряника» и установлению для каждого торгового партнера индивидуальных ставок таможенных пошлин.

Для мировой экономики тарифная политика Д. Трампа стала глобальным шоком, ломающим сложившуюся архитектуру мировой торговли. Но ее значение еще больше, т. к. она одновременно может сопровождаться другими механизмами регулирования торговли, прежде всего различными типами нетарифных барьеров[1].

Сложившаяся ситуация непосредственно затрагивает все страны постсоветского пространства, поскольку они тесно интегрированы в мировые рынки и большинство из них имеют активные торговые связи с Россией. Весной 2025 г. ультимативные тарифные решения администрации Трампа непосредственно затронули постсоветское пространство: президент США пригрозил стопроцентными пошлинами на импорт из России и вторичными санкционными тарифами против стран, продолжающих покупать российские нефть и газ (Гинзбург, Гулиев, 2025). Подобные действия беспрецедентно связывают внешнеэкономическую политику с геополитическими требованиями, ставя под удар экономическую стабильность ближайших союзников и соседей России. Даже в тех странах, где прямой торговый оборот с США невелик, косвенные последствия ощутимы — сокращение мирового спроса на энергоресурсы и металлы бьет по экспортным доходам России, Казахстана, Азербайджана и других сырьевых экономик региона (Malikova & Kotova, 2025). Кроме того, усиливающаяся неопределенность тормозит инвестиционную активность, что уже сегодня ощущается на развивающихся рынках. Поэтому оценка влияния «трампономики» на страны пояса соседства России является актуальной задачей для понимания их экономических перспектив и выработки защитных мер в условиях новой волны протекционизма.

Эти проблемы еще не получили необходимого обсуждения в научной литературе. В данной связи была поставлена цель исследовать воздействие новой торговой политики США на экономики постсоветских стран.

2. Методология исследования

Основными методами исследования являются анализ и синтез научной литературы, системный подход, сравнительный и статистический анализ данных, что позволило всесторонне изучить специфику влияния американского протекционизма на экономики стран постсоветского пространства. Этот ракурс ранее был недостаточно изучен, хотя страны СНГ уязвимы к внешнеторговым шокам из-за узкой экспортной базы и интеграции в мировые сырьевые рынки. Например, Р. Болдуин (Baldwin, 2025) считает новую торговую политику США попыткой взломать мировую торговую систему, а не реформировать или перестроить ее. Он выделяет в данной связи три основных механизма, которые будут определять особенности современной трансформации мировой торговли: эффект домино, каскадный протекционизм и многосторонний регионализм.

Эффект домино, по Р. Болдуину, способствует углублению интеграции на региональном уровне, росту числа соглашений о свободной торговле между странами, которым ограничен доступ к рынкам США. Механизм *каскадного протекционизма* оказывает противоположное воздействие. В то время как эффект домино снижает

[1] McAdoo, M. et al. (2025, July 22). *Tariffs Are Only the Tip of the Trade Iceberg*. [Электронный ресурс]. https://www.bcg.com/publications/2025/tariffs-only-tip-of-trade-iceberg (дата обращения: 17.11.2025).

таможенные пошлины, каскадный протекционизм толкает их вверх, поэтому тарифная политика Трампа может вызвать введение более высоких пошлин в других странах.

Таким образом, введение протекционистских мер в одной стране или на одном рынке запускает лавину ответных мер, которые приводят к повышению пошлин по всему миру.

Многосторонний регионализм заключается в объединении торговых соглашений, часто между соперничающими торговыми блоками, что ведет к возникновению более крупных и интегрированных торговых зон.

Использование актуальных данных за 2025–2026 гг. позволило заполнить пробел в научной литературе: предыдущие исследования «трампономики» опирались преимущественно на опыт и прогнозы 2017–2020 гг., тогда как данная статья рассматривает *новую фазу* протекционистской политики в условиях геополитической фрагментации глобальной экономики. Статья связывает воедино теоретические оценки, аналитические модели и фактические показатели, а также мнения экспертов из исследуемого региона.

3. «Трампономика 2.0» и ее последствия для мировой экономики

Еще во время своего первого президентского срока Д. Трамп проявил себя как сторонник жесткого протекционизма и экономического национализма во внешней политике в сочетании с неолиберальным подходом во внутренней политике (Bhattacharya, 2021; Супян, 2020). Проводимая им протекционистская политика с лозунгом «Америка прежде всего» привела к торговой войне и положила начало разрушению мировой экономики (Evans, 2019). Тогда же впервые появился термин «трампономика».

Внешняя экономическая политика Д. Трампа, иногда называемая «новым неомеркантилизмом», бросила вызов глобализации, усилила процессы фрагментации и регионализации мирового экономического пространства и стимулировала экономический национализм (Иванченко, 2021).

«Трампономика 1.0» привела к росту напряженности в международных торговых отношениях, особенно с Китаем, и к усилению неопределенности в мировой торговле (Толкачев, Анисимова, 2025). Политика экономического национализма во внутренней политике была направлена на приоритетное развитие американских компаний, поощрение их к инвестированию на территории США и контроль за иностранными инвестициями в американскую экономику (Лебедева, 2020).

Результаты «Трампономики 1.0» оказались неоднозначными: некоторые макроэкономические показатели, такие как уровень безработицы и рост ВВП, демонстрировали позитивные тенденции, однако многие ключевые экономические цели, прежде всего цели промышленной политики по модернизации экономик, не были достигнуты в полном объеме (Толкачев, 2024).

Центральным элементом экономической повестки Д. Трампа в его второй президентский срок — «Трампономики 2.0» — является широкое и целенаправленное использование тарифов, которые позволят США достичь определенных экономических и неэкономических целей. Однако, как отмечает ряд исследователей, сосредоточение на национальных целях в ущерб торговым партнерам может привести к негативным эффектам как для экономики США, так и для глобальной экономики в целом (Дмитриев, 2025). Кроме того, экономический рост

обусловлен не изданием президентских указов, а комплексным воздействием ряда долгосрочных факторов, включая научно-технический прогресс, инвестиции, подготовку кадров и т. д. (Варнавский, 2026).

В ряде исследований экономических последствий для США тарифов администрации Д. Трампа отмечается, что тарифы 2018–2019 гг. не оказали существенного влияния на занятость в соответствующих секторах, в то время как ответные тарифы оказали существенное негативное воздействие, особенно в сельском хозяйстве (Autor et al., 2024). П. Файгельбаум и соавторы (Fajgelbaum et al., 2020) обнаружили, что мировые цены на продукты, на которые нацелены тарифы 2018–2019 гг., не упали, а тарифы США и ответные меры торговых партнеров значительно сократили как импорт, так и экспорт США. Э. Йорк (York, 2024) показывает, что тарифы, введенные администрацией Д. Трампа и поддержанные администрацией Д. Байдена, снизили долгосрочный ВВП США на 0,2 %.

Данные экономические результаты не переубедили главного идеолога «Трампономики 2.0» П. Наварро, который настаивал на повышении импортных тарифов и получении за этот счет дополнительных доходов для снижения подоходного налога, а также для финансирования других расходов американского бюджета. По мнению К. Хендрикса, применение исключительно высоких пошлин ко многим странам, производящим продукцию, не имеющую конкурентов в американской экономике, лишь увеличит расходы американских потребителей (Hendrix, 2025)[1]. Такая политика ведет к торговым войнам, замедлению глобальной экономической интеграции, а отход от глобализации ослабит лидирующую позицию США в международном экономическом порядке (Losev, 2025).

Одним из самых ощутимых последствий агрессивной экономической политики Д. Трампа является *замедление темпов роста мировой экономики*. МВФ прогнозирует, что в 2026–2030 гг. будут наблюдаться минимальные темпы роста мирового ВВП за последние десятилетия[2]. Резко возрастет непредсказуемость развития экономики и глобальной торговли, о чем свидетельствует рассчитанный экспертами МВФ индекс роста неопределенности торговой политики (рис.).

Новые тарифы Трампа затрагивают 71 % импорта товаров в США на сумму примерно 2,3 трлн долл. (York & Durante, 2026). Введение высоких пошлин ведет к серьезным потерям на уровне компаний, повышая их затраты на импортируемые материалы и снижая рентабельность производства и экспорта в США, что может запустить перенаправление торговых потоков и нарушение цепочек поставок[3].

Не менее значимыми последствиями торговой политики Д. Трампа являются, с одной стороны, *существенное обострение торговой напряженности* и, с другой стороны, *усиление государственного стимулирования национального изоляционизма* (Хейфец, Чернова, 2025).

---

[1] Hendrix, C. S. (2025, April 04). Trump's April 2 tariff spree could cripple developing economies. *PIIE*. [Электронный ресурс]. https://www.piie.com/blogs/realtime-economics/2025/trumps-april-2-tariff-spree-could-cripple-developing-economies (дата обращения: 16.09.2025).

[2] International Monetary Fund. (2025). *Annual Report 2025 Financial Statements*. [Электронный ресурс]. https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2025/pdfs/imf-annual-report-2025-financial-statements.pdf (дата обращения: 17.11.2025).

[3] Bogage, J., & Lynch, D. J. (2025, August 07). Trump celebrates new tariffs as negotiations continue with China. *The Washington Post*. [Электронный ресурс]. https://www.washingtonpost.com/business/2025/08/07/trump-tariffs-global-trade/ (дата обращения: 18.09.2025).

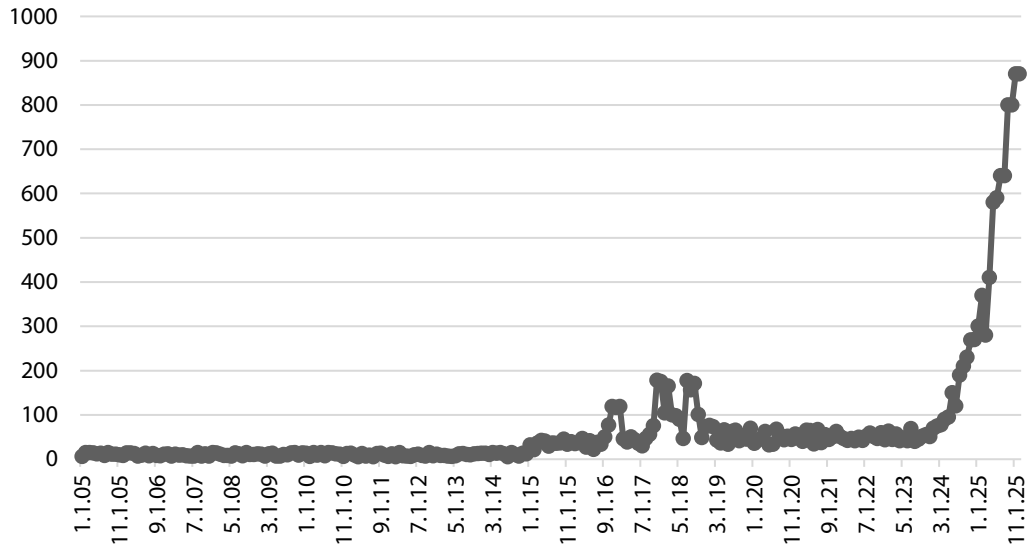

Рис. *Уровень неопределенности в торговой политике (источник: IMF Annual Report 2025. [Электронный ресурс]. https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2025/pdfs/english-imf-annual-report-2025.pdf (дата обращения: 25.11.2025))*
Fig. *Level of Uncertainty in Trade Policy*

И хотя в начале 2026 г. МВФ сделал небольшую корректировку темпов роста мировой экономики на 2026 г. в сторону повышения, а глобальной инфляции — в сторону понижения (с 4,1 % в 2025 г. до 3,8 % в 2026 г.), что обусловлено компенсирующим позитивным влиянием роста инвестиций в технологии, включая искусственный интеллект, торговая напряженность сохраняется и может обостриться в любой момент[1].

Резко отреагировали на новую политику США *финансовые рынки*. Особенно серьезными оказались последствия для крупных американских импортеров и транснациональных компаний. Финансовые рынки заметно отозвались на новую волну протекционистских мер, введенных администрацией Д. Трампа, и за четыре дня после объявления о новых тарифах компании, входящие в индекс S&P 500, потеряли 5,8 трлн долл., что стало самым большим четырехдневным падением с момента создания индекса в 1950-х гг.[2]

Еще одним важным последствием тарифной политики Д. Трампа стал *рост инфляции* как в США, так и в других странах. Прогнозировалось, что влияние всех тарифов США, введенных с начала 2025 г. по 31 июля 2025 г. включительно, и ответных мер со стороны торговых партнеров США приведет к росту цен в США на 1,8 % в краткосрочной перспективе и на 1,5 % в долгосрочной перспективе[3]. Ожидалось,

[1] International Monetary Fund. (2026). *World Economic Outlook Update*. [Электронный ресурс]. https://www.imf.org/-/media/files/publications/weo/2026/january/english/text.pdf (дата обращения: 04.02.2026).

[2] Valetkevitch, C. (2025). Stocks, oil fall as US-China tariff war escalates. *Reuters*. [Электронный ресурс]. https://www.reuters.com/markets/global-markets-wrapup-1-2025-04-08/ (дата обращения: 12.09.2025).

[3] State of U.S. Tariffs. (2025, August 01). [Электронный ресурс]. https://budgetlab.yale.edu/research/state-us-tariffs-august-1-2025#:~:text=After%20consumption%20shifts%2C%20the%20average,loss%20of%20%242%2C400%20in%202025%24 (дата обращения: 12.09.2025).

что особенно сильно тарифы увеличат издержки производителей в тех секторах, которые зависят от иностранных ресурсов. Так, в краткосрочном периоде цены на обувь могли вырасти на 40 %, на одежду — на 38 %, на автомобили — на 12,0 %, на продукты питания — на 3,3 %. Однако по итогам первого года президентства Трампа влияние тарифов на цены оказалось несколько меньше, чем первоначально ожидалось, отчасти потому, что компании не решались повышать цены, опасаясь потерять клиентов[1].

Предполагалось, что инфляционное давление, усиленное сбоями в цепочках поставок, приведет к снижению эффективности во многих отраслях американской экономики. Например, Apple оценила, что новые пошлины могут добавить ей около 900 млн долл. дополнительных затрат всего за один квартал 2025 г., и начала переносить часть сборочных операций для американского рынка из Китая в Индию и Вьетнам, чтобы снизить зависимость от облагаемых тарифами компонентов. Tesla приостановила закупки некоторых ключевых комплектующих из Китая и прекратила принимать заказы на ряд своих электромобилей в КНР после того, как взаимные тарифы между США и Китаем достигли 125 %, сделав американскую продукцию неконкурентоспособной на местном рынке.

Тарифы создают множество проблем для американских экспортеров, которые часто импортируют ключевые промежуточные ресурсы (Hendrix, 2025)[2]. Более того, крупнейшие компании-экспортеры часто являются и крупнейшими компаниями-импортерами. Повышение себестоимости американского экспорта делает американских производителей менее конкурентоспособными по сравнению с зарубежными аналогами (Clausing, 2025).

Политика Д. Трампа, основанная на принципе «разори соседа», также оборачивается значительными издержками для их торговых партнеров (Mortimer-Lee, 2025), в частности, для Канады и Мексики, Ирландии и Норвегии в Европе, а также для ряда стран Юго-Восточной Азии, таких как Таиланд, Малайзия и Вьетнам, для которых экспорт в США составляет значительную долю ВВП (Ignatenko et al., 2025).

Очень показательна в этом плане позиция премьер-министра Канады М. Карни, который заявил, что после десятилетий интеграции с Америкой «этот процесс завершён» и необходимо стимулировать развитие экономики Канады внутри страны, а также заключать торговые соглашения с единомышленниками за рубежом[3].

По состоянию на начало 2026 г. Канада и Китай активно ведут переговоры о создании совместных предприятий по производству электромобилей в Канаде[4]. Этот поворот, являющийся частью более широкой перестройки торговой стратегии, включает в себя смягчение канадских тарифов на китайские электромобили и развитие пар-

[1] Swanson, A. (2026, February 02). The Effects of Tariffs, One Year into Trump's Trade Experiment. *The New York Times*. [Электронный ресурс]. https://www.nytimes.com/2026/02/02/business/trump-tariffs-one-year-later.html (дата обращения: 12.09.2025).

[2] Hendrix, C. S. (2025, April 04). Trump's April 2 tariff spree could cripple developing economies. *PIIE*. [Электронный ресурс]. https://www.piie.com/blogs/realtime-economics/2025/trumps-april-2-tariff-spree-could-cripple-developing-economies (дата обращения: 16.09.2025).

[3] The Economist (2025, October 06). *Mark Carney's radical vision for handling Trumpian America*. [Электронный ресурс]. https://www.economist.com/the-americas/2025/10/06/mark-carneys-radical-vision-for-handling-trumpian-america (дата обращения: 17.11.2025).

[4] Schepkov, V. (2026, February 06). *Canada pursuing Chinese-Canadian EV plant for global exports, says Joly*. Yahoo Finance. [Электронный ресурс]. https://finance.yahoo.com/news/canada-pursuing-chinese-canadian-ev-195257253.html (дата обращения: 07.02.2026).

тнерских отношений с рядом китайских компаний (например, BYD и Chery) на фоне меняющейся динамики североамериканской автомобильной промышленности[1].

Важно и то, что новая торговая политика США имеет сильно выраженную *политическую направленность,* ограничивая политический суверенитет своих партнеров. Она стала механизмом давления с целью получения огромных иностранных инвестиций и принятия обязательств по новым военным закупкам у США. Фактически «торговая дипломатия при Трампе стала инструментом взыскания дани под видом сотрудничества»[2]. Выставляя заведомо запретительные торговые барьеры, Д. Трамп стремится добиться конкретных целей, идя на определенные уступки, если он их достигает. Например, в инвестиции в США Япония выделила 550 млрд долл., Южная Корея — 350 млрд долл., Саудовская Аравия — до 1 трлн долл., Малайзия — 70 млрд долл.; Швейцария в рамках договоренностей снизить пошлины на швейцарский экспорт в США с 39 % до 15 % пообещала инвестировать в американскую экономику через частные компании в ближайшие годы 200 млрд долл. Катар собирается приобрести у США товары на сумму 243,5 млрд долл., включая 160 самолётов Boeing и двигатели компании GE Aerospace для Qatar Airways.

Однако такое положение не может долго оставаться неизменным. Рост таможенных пошлин отклоняет торговые потоки и перенаправляет их на другие рынки. В мировой экономике под воздействием тарифной политики США активно перестраивается система глобальных торговых отношений и логистических маршрутов.

Уже в период взаимного обмена пошлинами между США и КНР в 2018–2019 гг. повышение пошлин США на китайские товары привело к переориентации импорта США из Китая на импорт товаров от других торговых партнеров. Однако торговые партнеры, в основном Канада и Мексика, а также ЕС, на поставки которых переключились Соединенные Штаты Америки, стали импортировать из Китая больше именно тех товаров, которые стали меньше импортировать из Китая США.

Страны АСЕАН, на которые в совокупности приходилось 10 % импорта США в 2022 г., также увеличили свой импорт китайских товаров (Haberkorn et al., 2024), причем увеличение доли китайского экспорта в этих странах в значительной степени произошло за счет товаров, попавших под действие американских пошлин 2018–2019 гг. Облагаемые пошлинами товары в значительной степени обеспечили увеличение доли Китая в импорте товаров ЕС и большую часть увеличения доли китайских товаров в импорте АСЕАН (Mix & Hoang, 2026).

4. Влияние тарифной политики Д. Трампа на экономики стран СНГ и Грузии

Для России большое значение имеет влияние новой торговой политики США на внешние связи ее важных торговых партнеров, которыми традиционно являются государства СНГ и другие постсоветские страны. Для большинства зарубежных стран СНГ размеры пошлин США установлены в размере 10 %. Это касается Армении,

[1] Prime Minister Carney unveils Canada's new automotive strategy to protect jobs and position our country as a global leader in next-generation vehicle manufacturing. [Электронный ресурс]. https://www.canada.ca/en/innovation-science-economic-development/news/2026/02/prime-minister-carney-unveils-canadas-new-automotive-strategy-to-protect-jobs-and-position-our-country-as-a-global-leader-in-next-generation-vehicl.html (дата обращения: 07.02.2026).

[2] Chellaney, B. (2025, November 15). *Trump's tariffs exact 'tribute' more coercive than China's Belt and Road*. [Электронный ресурс]. https://chellaney.net/2025/11/15/trumps-tariffs-exact-tribute-more-coercive-than-chinas-belt-and-road (дата обращения: 17.11.2025).

Азербайджана, Грузии, Узбекистана, Туркменистана, Кыргызстана и Таджикистана. В отношении Казахстана пошлины составляют 27 %, Молдовы — 31 %[1].

Самый большой товарооборот с США среди стран СНГ имеет Россия (44 % товарооборота). Однако в отношении России, которая в 2024 г. поставила в США товаров на сумму 2,5 млрд долл., таможенные пошлины не вводились[2].

По данным Межгосударственного статистического комитета СНГ, второй по объему товарооборот с США среди стран СНГ в 2024 г. имел Казахстан (3400 млн долл.) (табл.), что составляет около 2,4 % его товарооборота.

Однако введенные тарифные меры затрагивают лишь 4,8 % от общего объема экспорта зарубежных стран СНГ, поскольку основные экспортируемые товары (сырая нефть, уран, серебро, ферросплавы и другие сырьевые товары) не облагаются пошлинами и включены в перечень исключений[3]. Более того, введение новых пошлин практически для всех стран мира может иметь косвенный эффект для этих государств, поскольку страны, в отношении которых вводятся более высокие пошлины, будут искать новые рынки сбыта. Например, Казахстану как импортеру оборудования, транспортных средств, строительных материалов и другой продукции могут быть предложены более выгодные цены[4].

Похожая ситуация наблюдается и в других странах СНГ. Так, доля США в товарообороте Кыргызстана составляет менее 0,1 %. Кыргызстан поставлял в США обувь, одежду, изделия из табака, продукты животного происхождения и лекарственные средства, однако большая часть товарооборота приходится на импорт из США в Кыргызстан[5].

Экспорт из Азербайджана в США за 2024 г. вырос почти в 8 раз, общий товарооборот — в 1,9 раза. Основными товарами, обеспечившими рост экспорта, являются нефтепродукты (более 40 % общего объема экспорта), продукция металлургической отрасли (алюминий, медь, ферросплавы), продукция сельского хозяйства и рыболовства (икра осетровых, орехи, фрукты, овощи и продукты из них), хлопок и текстильные изделия[6]. От введения 10 %-ных пошлин сильнее всего могут пострадать сельское хозяйство и текстильная промышленность. Однако учитывая,

---

[1] РБК. (2025, 03 апреля). *Стали известны размеры пошлин Трампа для стран бывшего СССР.* [Электронный ресурс]. https://www.rbc.ru/economics/03/04/2025/67eda5499a7947bb5048f889 (дата обращения: 15.09.2025).

[2] Прайм (2025, 14 августа). Товарооборот России и США по итогам первого полугодия вырос почти на треть. *Альфа-Софт*. [Электронный ресурс]. https://www.alta.ru/external_news/120960/ (дата обращения: 15.09.2025).

[3] Токтар, Б. (2025, 03 апреля). Минторговли: 92 % экспорта из РК в США не попадает под новые пошлины. *Forbes Kazakhstan.* [Электронный ресурс]. https://forbes.kz/articles/mintorgovli-92-eksporta-iz-rk-v-ssha-ne-popadaet-pod-novye-poshliny-b410e0#:~:text=Как%20говорится%20в%20официальном%20сообщении,предусмотренный%20нормативными%20актами%20администрации%20США».&text=По%20данным%20Бюро%20национальной%20статистики,($2%2C4%20млн) (дата обращения: 10.09.2025).

[4] Eurasianet. (2025, April 07). *Measuring impact of US tariffs on Central Asia and South Caucasus*. [Электронный ресурс]. https://eurasianet.org/measuring-impact-of-us-tariffs-on-central-asia-and-south-caucasus (дата обращения: 15.09.2025).

[5] Kaktus.media (2025, 3 апреля). *Таможенные пошлины Трампа. Что Кыргызстан экспортирует в США?* [Электронный ресурс]. https://oper.kaktus.media/521064 (дата обращения: 15.09.2025).

[6] Vesti.az (2025, 4 февраля). *Азербайджан существенно нарастил экспорт товаров в США.* [Электронный ресурс]. https://vesti.az/ekonomika/azerbaidzan-sushhestvenno-narastil-eksport-tovarov-v-ssa-536767 (дата обращения: 15.09.2025).

Таблица

Торговля стран СНГ и Грузии с США в 2024 г.

Table

Trade between the CIS Countries and Georgia and the United States in 2024

Страна	Общий товарооборот, млрд долл.	Товарооборот с США, млн долл.	Доля товарооборота с США в общем товарообороте, %
Азербайджан	47,61	412,9	0,87
Армения	30,20	282,4	0,94
Беларусь	86,06	н/д	0,00
Казахстан	142,07	3400,0	2,39
Кыргызстан	17,63	16,7	0,09
Молдова	12,62	н/д	0,00
Россия	716,93	3500,0	0,49
Таджикистан	8,96	4,6	0,05
Узбекистан	54,98	42,4	0,08
Грузия (вышла из СНГ)	23,43	247,0	1,05

Источник: рассчитано авторами по данным Межгосударственного статистического комитета СНГ. [Электронный ресурс]. https://new.cisstat.org/cis-stat-home (дата обращения: 15.09.2025).

что новые тарифы для Азербайджана гораздо ниже, чем заградительные пошлины в адрес Индии и Китая, поставляющих основную массу товаров в схожих категориях, азербайджанские экспортеры этих продуктов смогут даже укрепить свои позиции на американском рынке. Кроме того, рост азербайджанского экспорта в США в 8,4 раза не мог быть обеспечен исключительно удачной ценовой конъюнктурой на американском рынке или улучшением логистики, а связан с оказанием посреднических услуг в реэкспорте товаров из других юрисдикций[1].

При невысокой доле США в товарообороте Армении (0,94 %) более половины (58 %) приходится на экспорт. Основными экспортируемыми товарами (20 % экспорта) являются драгоценные металлы (золото) и драгоценные камни (алмазы), алкогольные и безалкогольные напитки (15 %), а также овощные консервы и молочная продукция, производители которых могут ощутить снижение спроса[2]. Однако влияние пошлин на экономику Армении в целом будет незначительным и, по мнению некоторых экономистов, станет стимулом для углубления экономических отношений со странами-членами ЕАЭС, с которыми Армения имеет беспошлинную торговлю[3].

Доля США во внешнеторговом обороте Узбекистана составляет 0,08 %, доля экспорта в общем экспорте — 1,2 %. Основную часть (86 %) узбекского экспорта в США составляют услуги, которые не облагаются пошлинами и не подпадают под действие объявленных тарифов. Под новые пошлины попадают 14 % экспорта, в т. ч. драгоценные металлы и алюминий, составляющие основную часть товарного экспорта. Хотя прямое влияние пошлин на экономику Узбекистана является

[1] Гусейнов, И. (2025). Пошлины Трампа: кому-кому, а Азербайджану будет хорошо. *Haqqin.az*. [Электронный ресурс]. https://haqqin.az/news/344569 (дата обращения: 15.09.2025).

[2] Армения втянута в торговую войну Трампа: пошлины в 10 % вступают в силу. *ИАЦ «VERELQ»*. [Электронный ресурс]. https://verelq.am/ru/node/158324#:~:text=Армяно%2Dамериканский%20товарооборот%20в%202024,по%20сравнению%20с%202023%20годом (дата обращения: 15.09.2025).

[3] Назарян, Г. (2025, 07 апреля). 10-процентные пошлины, введенные правительством США на экспорт из Армении, особо не отразятся на экономике Армении: мнение экономиста. *Арменпресс*. [Электронный ресурс]. https://armenpress.am/ru/article/1216343 (дата обращения: 15.09.2025).

крайне ограниченным, оно может привести к замедлению роста в тех странах, которые являются основными торговыми партнерами Узбекистана, что, возможно, снизит спрос на узбекские товары. В частности, уже отмечается некоторое снижение экспорта из Узбекистана в Китай, Турцию, Кыргызстан и Таджикистан[1].

Доля экспорта Таджикистана в США также составляет менее 0,1 %. Таджикистан поставляет в США в незначительных объемах натуральные соки, сухофрукты, некоторые минеральные продукты (сырье)[2].

Объем экспорта Грузии в США в 2024 г. составил 141,1 млн долл., что немного превышает 1 % от общего товарооборота. Основными торговыми партнерами Грузии, по данным за 2024 г., были Кыргызстан (1,3 млрд долл.), Казахстан (0,860 млрд долл.), Азербайджан (0,725 млрд долл.), Россия (0,682 млрд долл.), Армения (0,618 млрд долл.), Турция (0,458 млрд долл.) и Китай (0,3 млрд долл.). В США Грузия поставляет ферросплавные руды, трубы из черного метала, части авиационных аппаратов, вино, водород и инертные газы[3].

В отличие от импортных пошлин, несравненно более сильное влияние на экономики стран СНГ оказали санкции США и их союзников против России, которая остается главным торговым партнером. Речь прежде всего идет не о прямых, а о вторичных санкциях, которые затрагивают не только отношения с Россией, но и внешнеэкономические связи данных государств в целом.

Правда, страны СНГ, несмотря на давление со стороны США и ЕС, продолжают выполнять свои обязательства в рамках договоренностей с Россией. Однако, по данным на начало октября 2025 г., в санкционном списке RUSSIA-EO14024 присутствуют 9 компаний Узбекистана, 4 компании из Молдовы, 15 компаний из Кыргызстана, 3 компании из Грузии, 3 компании из Армении, 3 компании из Азербайджана, 11 компаний из Казахстана[4].

В январе 2025 г. США ввели санкции против банковского сектора Кыргызстана, что существенно усложнило рублевые переводы работающих в России мигрантов[5].

Остро отразились санкции на финансовом секторе Казахстана. Экономически Казахстан тесно интегрирован с Россией, на которую приходится значительная доля торговли и инвестиций, но опасаясь введения вторичных санкций, страна вынуждена соблюдать требования санкционного режима. В результате в Казахстане возник эффект overcompliance («чрезмерного комплаенса»), когда казахстанские банки в страхе перед санкционными рисками стали вводить более строгие меры, чем фор-

[1] Латипов, Ш. (2025). «Прямого удара не будет, но косвенные риски сохраняются». Как пошлины США повлияют на Узбекистан. *Газета.uz*. [Электронный ресурс]. https://www.gazeta.uz/ru/2025/04/03/trade-war-uzbekistan/ (дата обращения: 15.09.2025).

[2] Чоршанбиев, П. (2025). Трамп планирует ввести пошлины на импорт из 150 стран. Коснется ли это Таджикистана? *ASIA-Plus*. [Электронный ресурс]. https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20250717/tramp-planiruet-vvesti-poshlini-v-razmere-1015-na-import-iz-150-stran (дата обращения: 15.09.2025).

[3] Sputnik. Грузия. (2025, 03 апреля). *Зависит ли Грузия от экспорта в США — только цифры*. [Электронный ресурс]. https://sputnik-georgia.ru/20250403/zavisit-li-gruziya-ot-eksporta-v-ssha--tolko-tsifry-292779727.html (дата обращения: 14.09.2025).

[4] OFAC Sanctions List Service. [Электронный ресурс]. https://sanctionslist.ofac.treas.gov/Home/ (дата обращения: 14.09.2025).

[5] Токарева, А. (2025, 21 августа). Все банки Кыргызстана, которые могли работать с рублем, оказались под санкциями. *Frank Media*. [Электронный ресурс]. https://frankmedia.ru/215507 (дата обращения: 13.09.2025).

мально требовалась. Такое чрезмерное соблюдение санкционного режима оказывает негативное влияние на экономику страны, увеличивая издержки для бизнеса, препятствуя развитию торговли и инвестиционной активности (Ермолаев, 2025). Из-за позиций банков Казахстана, опасающихся попасть под вторичные санкции Евросоюза и США, в 2024 г. на 15 % сократились поставки продукции казахстанских машиностроительных предприятий в Россию[1], хотя некоторые казахстанские эксперты считают, что страновые риски вторичных санкций практически остаются низкими, т. к. «могут реализоваться только в отношении отдельных компаний, которые занимаются операциями, подпадающими под такие ограничения»[2].

Таким образом, постоянно усиливающиеся антироссийские санкции влияют на экономики постсоветских стран, осложняя их сотрудничество с Россией, вызывая дезинтеграционные тенденции в ЕАЭС и СНГ, а также усиливая влияние США и других государств в регионе.

Администрация Д. Трампа рассматривает регион Центральной Азии и Южного Кавказа как стратегически важный для интересов США. США и 5 стран Центральной Азии еще в 2015 г. заключили многостороннее соглашение по сотрудничеству С5+1. При Трампе этот формат всё больше смещается в направлении формирования новой площадки для организации экономического взаимодействия. Об этом свидетельствует, например, целый ряд крупных сделок, заключенных США в 2025 г., среди которых получение компанией Cove Capital LLC права на разведку и добычу редкоземельных металлов в Казахстане, подписание национальной геологической службой Казахстана и бюро энергоресурсов американского госдепартамента меморандума о совместном изучении недр, внедрении современных технологий, повышении квалификации казахстанских специалистов. Для создания и развития инфраструктуры Транскаспийского транспортного коридора американская корпорация WABTEC (Westinghouse Air Brake Technologies Corporation), специализирующаяся на производстве оборудования и цифровых решений для железнодорожного транспорта, вложит в Казахстане 4,2 млрд долл.[3] в производство железнодорожных локомотивов с их последующим сервисным обслуживанием. Другими сферами расширения сотрудничества с США являются горнодобывающая промышленность, сельское хозяйство, высокие технологии, образование и авиация.

С Узбекистаном США подписали соглашение о покупке Ташкентом 22 самолётов Boeing 787–9 Dreamliner на сумму 8 млрд долл., что, по словам Д. Трампа, «создаст более 35 тысяч рабочих мест США»[4]. Взамен стороны договорились о сотрудничестве в добыче критически важных минералов, химической промышленности и ядерной энергетике.

---

[1] ТАСС. (2025, 18 марта). *Более 20 казахстанских компаний подпали под санкции за связи с РФ*. [Электронный ресурс]. https://www.tks.ru/politics/2025/03/18/0008/ (дата обращения: 15.09.2025).

[2] Дуйсебаева, Ж. (2025, 08 ноября). Убережет ли Казахстан сближение с США от вторичных санкций. *Baq.kz*. [Электронный ресурс]. https://rus.baq.kz/uberezhet-li-kazahstan-sblizhenie-s-ssha-ot-vtorichnyh-sanktsiy-mnenie-ekonomista_300026468/ (дата обращения: 05.02.2026).

[3] Токтар, Б. (2025, 22 сентября). Казахстан подписал с компанией Wabtec соглашения на $4,2 млрд. *Forbes Kazakhstan*. [Электронный ресурс]. https://forbes.kz/articles/kazahstan-podpisal-s-kompaniey-wabtec-soglasheniya-na-42-mlrd-29236d (дата обращения: 12.11.2025).

[4] Кожемякин, С. (2025, 02 октября). В кабалу по собственному желанию. «Правда» об укреплении влияния США в Средней Азии. *Коммунистическая партия Российской Федерации*. [Электронный ресурс]. https://kprf.ru/international/capitalist/237790.html (дата обращения: 15.09.2025).

Интерес США к странам Центральной Азии обусловлен несколькими причинами, в т. ч. наличием в регионе запасов важнейших минералов, редкоземельных металлов и углеводородов, транзитным потенциалом региона и развитием Транскаспийского транспортного коридора, а также возможностью их использования как поля битвы в глобальной конкуренции с Китаем (Гегелашвили, 2025).

С целью усиления конкурентных позиций США в регионе, а также влияния на российско-китайские отношения и ключевые рынки ресурсов, прежде всего урана, нефти и природного газа, в США разрабатывается новая стратегия для «Большой Центральной Азии». В ее рамках США расширяют определение региона и включают в него, помимо Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана, еще Азербайджан, а Грузию, Армению и Монголию рассматривают как геополитические фланги (Starr et al., 2025)[1]. Именно через Азербайджан проходит Транскаспийский транспортный коридор, страна владеет морскими портами, обладает запасами нефти и газа.

Новая стратегия США в «Большой Центральной Азии» направлена на сокращение географического и экономического преимущества Китая, снижение влияния России и Ирана путем вовлечения стран региона в американские инициативы, инвестиционные проекты, военные программы, программы безопасности и альтернативные транспортные коридоры.

Важное значение в этом плане имел саммит 5 стран Центральной Азии и США, состоявшийся 6 ноября 2025 г. в Вашингтоне. На нем был принят ряд значимых экономических и политических решений. В частности, достигнута договоренность с Узбекистаном об инвестициях в экономику США в течение трех лет 35 млрд долл., а в течение 10 лет — 100 млрд долл. С Казахстаном США договорились об инвестировании 1 млрд долл. на разработку крупнейшего в мире месторождения вольфрама, закупке в США товаров на 17 млрд долл. и присоединении Астаны к Авраамовым соглашениям с Израилем[2].

Курс на усиление многовекторной политики стран постсоветского пространства укрепила Седьмая консультативная встреча глав государств Центральной Азии в Ташкенте, прошедшая вскоре после их саммита в США. На этой встрече было принято решение о присоединении к такому формату сотрудничества Азербайджана, что стало шагом к формированию единого пространства сотрудничества между Центральной Азией и Южным Кавказом без участия России. На этой встрече была одобрена идея перейти от консультативной формы регионального диалога к стратегическому формату «Сообщество Центральной Азии», а также разработать и принять Региональную программу торгово-экономического взаимодействия до 2035 года, Декларацию об общем инвестиционном пространстве и Программу совместных мер по развитию электронной коммерции. Обсуждались также большие возможности увеличения транзитного потенциала, в т. ч. строительства железной дороги Китай–Кыргызстан–Узбекистан и ее

[1] Starr, S. F., Wimbush, S. E., Cornell, S. E., Tsereteli, M., & Linderman, L. (2025). *An American Strategy for Greater Central Asia*. Central Asia-Caucasus Institute. [Электронный ресурс]. https://www.afpc.org/uploads/documents/FINAL_VERSION_An_american_strategy_for_greater_central_Asia.pdf (дата обращения: 06.10.2025).

[2] Council on Foreign Relations. (2025, November 07). *U.S.-Central Asia Summit*. [Электронный ресурс]. https://www.cfr.org/article/us-central-asia-summit (дата обращения: 15.11.2025).

стыковки с Зангезурским коридором, что откроет кратчайший путь к крупнейшим рынкам Азии и Европы[1].

5. Заключение

Экономическая политика Д. Трампа в его второй президентский срок, получившая название «Трампономика 2.0», характеризуется жестким протекционизмом, односторонним пересмотром торговых соглашений во внешней политике, налоговыми стимулами и дерегулированием во внутренней политике.

Анализ последствий «Трампономики 2.0» для постсоветских стран показал ограниченное влияние новых торговых барьеров США на экономики стран СНГ в краткосрочной перспективе из-за незначительных объемов прямой торговли с США. В то же время нельзя не учитывать, что такая политика способствует развитию дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве.

С другой стороны, перенаправление торговых потоков может предоставить некоторым постсоветским странам более выгодные условия импорта оборудования и материалов, высвобождаемых с рынков, потерянных из-за роста тарифов, и дать новые импульсы для развития их экономик и расширения глобальных внешнеэкономических и технологических связей. Это будет вести к усилению многовекторности их политики, ослаблению позиций России и ухудшению условий работы для российского бизнеса.

Кроме того, реализация новой стратегии США для «Большой Центральной Азии», в рамках которой США расширяют определение региона и включают в него Азербайджан, может привести к фрагментации и ослаблению экономической целостности региона, превратив его в поле битвы между крупнейшими мировыми державами.

Список источников

Варнавский, В. (2026). США: влияние таможенных пошлин на развитие внутреннего производства. *Мировая экономика и международные отношения, 70*(1), 15–26. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2026-70-1-15-26

Гегелашвили, Н. (2025). Политика новой администрации Д. Трампа в Центральной Азии. *РСМД*. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-novoy-administratsii-d-trampa-v-tsentralnoy-azii/ (дата обращения: 16.09.2025).

Гинзбург, М., Гулиев, И. (2025). Влияние тарифной политики Трампа на продовольственную безопасность стран БРИКС. *РСМД*. [Электронный ресурс]. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vliyanie-tarifnoy-politiki-trampa-na-prodovolstvennuyu-bezopasnost-stran-briks/ (дата обращения: 18.09.2025).

Дмитриев, С. С. (2025). Неопротекционизм администрации Трампа 2.0: промежуточные итоги. *Мировая экономика и международные отношения, 69*(10), 15–23. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-10-15-23

Ермолаев, Т. А. (2025). Санкционный комплаенс в Республике Казахстан под воздействием санкций ЕС и США. *Вестник науки, 1*(4(85)), 291–302.

Зарезнов, Д. А. (2025). «Тарифная война» война Дональда Трампа и ее влияние на мировую экономику и экономическую безопасность России. *Вестник экономики, права и социологии,* (2), 47–51. https://doi.org/10.24412/1998-5533-2025-2-47-51

[1] Газета.Uz (2025, 17 ноября). *О чем говорили президенты стран Центральной Азии и Азербайджана на встрече в Ташкенте*. [Электронный ресурс]. https://www.gazeta.uz/ru/2025/11/17/central-asia (дата обращения: 15.11.2025).

Иванченко, И. С. (2021). Новый неомеркантилизм как вызов для глобализированной экономики. *Вопросы экономики,* (9), 132–148. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-9-132-148

Лебедева, Л. Ф. (2020). Социальные ориентиры администрации Д. Трампа и их восприятие в американском обществе. *США & Канада: экономика — политика — культура,* (6), 5–19. https://doi.org/10.31857/s268667300009767-3

Супян, В. (2020). Экономическая модель Д. Трампа: итоги и перспективы. *Мировая экономика и международные отношения, 64* (7), 34–42. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-7-34-42

Толкачев, С. А. (2024). Американо-китайское соперничество на рынке солнечной энергии США. *Мировая экономика и мировые финансы, 3*(4), 5–13. https://doi.org/10.24412/2949-6454-2024-0290

Толкачев, С. А., Анисимова, А. И. (2025). Трампономика 2.0 как политическая экономия национального развития в эпоху глобальной трансформации. *Российский экономический журнал,* (3), 30–51.

Хейфец, Б. А., Чернова, И. Ю. (2025). Протекционистский вектор промышленной политики в условиях меняющегося миропорядка. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 18* (2), 6–23. https://doi.org/10.31249/kgt/2025.02.01

Autor, D., Beck, A., Dorn, D., & Hanson, G. H. (2024). Help for the Heartland? The Employment and Electoral Effects of the Trump Tariffs in the United States. *NBER Working Paper,* (32082). https://doi.org/10.3386/w32082

Baldwin, R. E. (2025). *The Great Trade Hack: How Trump's Trade War Fails and the World Moves on*. Centre for Economic Policy Research, 128.

Bhattacharya, A. (2021). Economic Integration or Trumponomics: The Choice is a Big Question for Developing Economies. In R. C. Das (Ed.), *Global Tariff War: Economic, Political and Social Implications*. Leeds: Emerald Publishing Limited (pp. 271–279). https://doi.org/10.1108/978-1-80071-314-720211021

Clausing, K. (2025). The aftermath of tariffs. *Centre for Economic Policy Research*. https://cepr.org/voxeu/columns/aftermath-tariffs (дата обращения: 16.09.2025).

Evans, O. (2019). The effects of US-China trade war and Trumponomics. *Forum Scientiae Oeconomia, 7* (1), 47–55. https://doi.org/10.23762/fso_vol7_no1_3

Fajgelbaum, P. D., Goldberg, P. K., Kennedy, P. J., & Khandelwa, A. K. (2020). The return to protectionism. *The Quarterly Journal of Economics, 135* (1), 1–55. https://doi.org/10.1093/qje/qjz036

Haberkorn, F., Hoang, T., Lewis, G., Mix, C., & Moore, D. (2024). Global trade patterns in the wake of the 2018–2019 U.S.-China tariff hikes. *FEDS Notes*. Washington: Board of Governors of the Federal Reserve System. https://doi.org/10.17016/2380-7172.3464

Ignatenko, A., Lashkaripour, A., Macedoni, L., & Simonovska, I. (2025). Making America great again? The economic impacts of Liberation Day tariffs. *Journal of International Economics, 157,* 104138. https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2025.104138

Losev, A. (2025). Economic nationalism and the decline of multilateralism: An analytical review of U.S. trade policy under Trump 2.0. *Moscow Journal of Global Affairs, 19* (1), 44–61.

Malikova, A. A., & Kotova, V. A. (2025). Donald Trump's economic policy in 2025 and its impact on the world economy. *Progressive Economy,* (4), 240–255. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_4_240

Mix, C., & Hoang, T. T. (2026). Trade Wars and Rumors of Trade Wars: The Dynamic Effects of the U.S.-China Tariff Hikes. *Journal of International Economics, 160,* 104229. https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2026.104229

Mortimer-Lee, P. (2025). Trumponomics 2.0: Lower Growth, Higher Inflation. *NIESR*. [Электронный ресурс]. https://niesr.ac.uk/wp-content/uploads/2024/12/The-Economic-Effects-of-Trumponomics-PML2.0.pdf?ver=pbRadyv7cVU7XxlQIa5G (дата обращения: 16.09.2025).

York, E. (2024). Five Things to Know about Trump's Tariff and Income Tax Proposals. *Tax Foundation*. [Электронный ресурс]. https://taxfoundation.org/blog/trump-income-tax-tariff-proposals/ (дата обращения: 16.09.2025).

York, E., & Durante, A. (2026). Trump Tariffs: Tracking the Economic Impact of the Trump Trade War. *Tax Foundation*. [Электронный ресурс]. https://taxfoundation.org/research/all/federal/trump-tariffs-trade-war/ (дата обращения: 16.09.2025).

References

Autor, D., Beck, A., Dorn, D., & Hanson, G. H. (2024). Help for the Heartland? The Employment and Electoral Effects of the Trump Tariffs in the United States. *NBER Working Paper,* (32082). https://doi.org/10.3386/w32082

Baldwin, R. E. (2025). *The Great Trade Hack: How Trump's Trade War Fails and the World Moves on*. Centre for Economic Policy Research, 128.

Bhattacharya, A. (2021). Economic Integration or Trumponomics: The Choice is a Big Question for Developing Economies. In R. C. Das (Ed.), *Global Tariff War: Economic, Political and Social Implications*. Leeds: Emerald Publishing Limited (pp. 271–279). https://doi.org/10.1108/978-1-80071-314-720211021

Clausing, K. (2025). The aftermath of tariffs. *Centre for Economic Policy Research*. https://cepr.org/voxeu/columns/aftermath-tariffs (Date of access: 16.09.2025).

Dmitriev, S. S. (2025). Trump 2.0 Administration Neo-Protectionism: Intermediate Results. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations], 69* (10), 15–23. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-10-15-23 (In Russ.)

Ermolaev, T. A. (2025). Sanctions Compliance in the Republic of Kazakhstan under the Impact of EU and US Sanctions. *Vestnik nauki [Science Bulletin], 1* (4(85)), 291–302. (In Russ.)

Evans, O. (2019). The effects of US-China trade war and Trumponomics. *Forum Scientiae Oeconomia, 7* (1), 47–55. https://doi.org/10.23762/fso_vol7_no1_3

Fajgelbaum, P. D., Goldberg, P. K., Kennedy, P. J., & Khandelwa, A. K. (2020). The return to protectionism. *The Quarterly Journal of Economics, 135* (1), 1–55. https://doi.org/10.1093/qje/qjz036

Gegelashvili, N. (2025). The Policy of Donald Trump's Administration in Central Asia. *RSMD [RIAC]*. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-novoy-administratsii-d-trampa-v-tsentralnoy-azii/ (Date of access: 16.09.2025). (In Russ.)

Ginzburg, M., & Guliyev, I. (2025). The Impact of Trump's Tariff Policy on Food Security for BRICS States. *RSMD [RIAC]*. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vliyanie-tarifnoy-politiki-trampa-na-prodovolstvennuyu-bezopasnost-stran-briks/ (Date of access: 18.09.2025). (In Russ.)

Haberkorn, F., Hoang, T., Lewis, G., Mix, C., & Moore, D. (2024). Global trade patterns in the wake of the 2018–2019 U.S.-China tariff hikes. *FEDS Notes*. Washington: Board of Governors of the Federal Reserve System. https://doi.org/10.17016/2380-7172.3464

Ignatenko, A., Lashkaripour, A., Macedoni, L., & Simonovska, I. (2025). Making America great again? The economic impacts of Liberation Day tariffs. *Journal of International Economics, 157,* 104138. https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2025.104138

Ivanchenko, I. S. (2021). New neomercantilism as a challenge for a globalized economy. *Voprosy Ekonomiki,* (9), 132–148. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-9-132-148 (In Russ.)

Kheyfets, B. A., & Chernova, V. Yu. (2025). Protectionist Trends in Industrial Policy amid a Changing Global Order. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo [Outlines of global transformations: politics, economics, law], 18* (2), 6–23. https://doi.org/10.31249/kgt/2025.02.01(In Russ.)

Lebedeva, L. F. (2020). Social Guidelines of Trump's Presidency and the Public Opinion. *SSHA & Kanada: ekonomika — politika — kul'tura [USA & Canada: Economics — Politics — Culture],* (6), 5–19. https://doi.org/10.31857/s268667300009767-3 (In Russ.)

Losev, A. (2025). Economic nationalism and the decline of multilateralism: An analytical review of U.S. trade policy under Trump 2.0. *Moscow Journal of Global Affairs, 19* (1), 44–61.

Malikova, A. A., & Kotova, V. A. (2025). Donald Trump's economic policy in 2025 and its impact on the world economy. *Progressive Economy,* (4), 240–255. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_4_240

Mix, C., & Hoang, T. T. (2026). Trade Wars and Rumors of Trade Wars: The Dynamic Effects of the U.S.-China Tariff Hikes. *Journal of International Economics, 160,* 104229. https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2026.104229

Mortimer-Lee, P. (2025). Trumponomics 2.0: Lower Growth, Higher Inflation. *NIESR*. https://niesr.ac.uk/wp-content/uploads/2024/12/The-Economic-Effects-of-Trumponomics-PML2.0.pdf?ver=pbRadyv7cVU7XxlQIa5G (Date of access:16.09.2025).

Supyan, V. (2020). Trump's Economic Model: Results and Prospects. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations], 64*(7), 34–42. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-7-34-42 (In Russ.)

Tolkachev, S. A. (2024). U.S.-China rivalry in the U.S. solar market. *Mirovaya ekonomika i mirovyye finansy [Global Economy and Global Finance], 3*(4), 5–13. https://doi.org/10.24412/2949-6454-2024-0290 (In Russ.)

Tolkachev, S. A., & Anisimova, A. I. (2025). Trumponomics 2.0 as a political economy of national development in the era of global transformation. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal [Russian Economic Journal],* (3), 30–51. (In Russ.)

Varnavskii, V. (2026). USA: Impact of Customs Duties on Domestic Manufacturing Capacity. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations], 70*(1), 15–26. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2026-70-1-15-26 (In Russ.)

York, E. (2024). Five Things to Know about Trump's Tariff and Income Tax Proposals. *Tax Foundation*. https://taxfoundation.org/blog/trump-income-tax-tariff-proposals/ (Date of access: 16.09.2025).

York, E., & Durante, A. (2026). Trump Tariffs: Tracking the Economic Impact of the Trump Trade War. *Tax Foundation*. https://taxfoundation.org/research/all/federal/trump-tariffs-trade-war/ (Date of access: 16.09.2025).

Zareznov, D. A. (2025). Donald Trump's "Tariff War" and its Impact on the Global Economy and Russia's Economic Security. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii [Bulletin of Economics, Law and Sociology],* (2), 47–51. https://doi.org/10.24412/1998-5533-2025-2-47-51 (In Russ.)

Информация об авторах

Хейфец Борис Аронович — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центр постсоветских исследований, Институт экономики РАН; https://orcid.org/0000-0002-6009-434X (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-кт, д. 32; e-mail: bah412@rambler.ru).

Чернова Вероника Юрьевна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центр постсоветских исследований, Институт экономики РАН; https://orcid.org/0000-0001-5951-9091 (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-кт, д. 32; e-mail: veronika_urievna@mail.ru).

About the authors

Boris A. Kheyfets — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Research Associate, Center for Post-Soviet Studies, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-6009-434X (32, Nakhimovskiy Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: bah412@rambler.ru).

Veronika Yu. Chernova — Dr. Sci. (Econ.), Leading Research Associate, Center for Post-Soviet Studies, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0001-5951-9091 (32, Nakhimovskiy Prospekt, Moscow, 117218 Russian Federation; e-mail: veronika_urievna@mail.ru).

Дата поступления рукописи: 22.12.2025.
Прошла рецензирование: 30.12.2025.
Принято решение о публикации: 10.02.2026.
Received: 22 Dec 2025.
Reviewed: 30 Dec 2025.
Accepted: 10 Feb 2026.